

Однако раньше, когда старшая сестра готовила суп, Вэй Усянь всегда соперничал с Цзян Чэном за право разжечь огонь. Ведь то, что сделано своими руками — пусть даже просто разжигание огня — и для самых близких людей, всегда вкуснее.

Семья Лань... совсем не знает жизни.

Вэй Усянь встал, и Лань Ванцзи, собравшись что-то сказать, лишь нахмурился. Но Вэй Усянь махнул рукой:

— Всё в порядке, я не изнеженный человек, разжечь огонь смогу.

Сказав это, он присел у кучи дров и через мгновение сложил их в маленькую кучку, объясняя:

— Лань Чжань, я тебе объясню. Под дровами должно быть пространство, чтобы воздух мог проходить, и тогда огонь будет гореть ярче. Понял?

— Угу, понял.

Угу? Он действительно покорно согласился? Вэй Усянь чуть не подумал, что ослышался.

Закончив, он встал, отряхнул руки от пыли и сказал:

— Готово, Лань Чжань, разжигай.

— Угу, — кивнул Лань Ванцзи, и на его пальцах вспыхнул синий свет. Огонь мгновенно разгорелся.

Вэй Усянь прищурился, чувствуя, как тепло от огня разгоняет холод вокруг него. Теперь нужно было высушить одежду.

И он начал расстёгивать свою одежду.

Зрачки Лань Ванцзи расширились.

— Вэй Ин, что ты делаешь?

Вэй Усянь уже снял верхнюю одежду, услышав слегка встревоженный голос Лань Ванцзи, и недоуменно ответил:

— Сушить одежду. Разве не нужно её снять? Или ты думал, что я разжигаю огонь для чего-то

другого?

Лицо Лань Ванцзи напряглось, когда он увидел, как Вэй Усянь снимает одну за другой одежду, обнажая стройный торс с широкими плечами и узкой талией, идеальное телосложение.

Это был второй раз, когда Лань Ванцзи видел тело Вэй Усяня.

Но на этот раз всё было иначе. Тело Вэй Усяня было покрыто царапинами, но...

Горло Лань Ванцзи сжалось, он почувствовал, как кровь приливает к лицу, и не смог больше смотреть. Он сел на землю, скрестив ноги, и закрыл глаза. Однако его уши уже покраснели.

Вэй Усянь не пропустил этого, приподнял бровь и снова начал поддразнивать, присев у огня:

— Лань Чжань, ты смущаешься?

Лань Ванцзи не реагировал, но пальцы на его коленях слегка сжались.

— Чего смущаться? Хотя мы и муж с женой, но оба мужчины. Что плохого в том, чтобы быть обнажёнными перед друг другом? Разве что...

Вэй Усянь заметил, как пальцы Лань Ванцзи сжимаются всё сильнее, и едва сдерживал смех. — Разве что, Лань Чжань, ты никогда не видел тела другого мужчины?

— Это нехорошо, Лань Чжань. Если ты так реагируешь на тела других мужчин, тебя могут принять за гомосексуалиста. Лучше почаще смотри на меня, моё тело тренировано! Оно лучше, чем у большинства. Если захочешь посмотреть, просто скажи, я сразу разденусь!

— ... Замолчи.

— Замолчу? Ни за что, я задохнусь, если не буду говорить! Но, кстати, Лань Чжань, ты уже дважды видел меня, а я тебя — ни разу. Это несправедливо. Может, ты тоже разденешься, и я помогу тебе высушить одежду?

— ... Бесстыдник! — Лань Ванцзи наконец не выдержал этих легкомысленных слов, открыл глаза и гневно посмотрел на него.

Он осмелился предложить ему... осмелился...

Неужели он так же ведёт себя с другими мужчинами?

— Ха-ха-ха, ладно, ладно, не буду тебя дразнить.

Зная, что Лань Ванцзи не выносит таких шуток, Вэй Усянь решил остановиться. Переборщить было бы плохо.

Лань Ванцзи слегка вздохнул, опустил веки, отбрасывая тень, и тихо прошептал:

— Если у тебя нет таких намерений, зачем ты так дразнишь меня...

— Мм? Лань Чжань, что ты сказал?

Уши практикующего были острыми, но Лань Чжань говорил так тихо, что Вэй Усянь не слышал.

Лань Ванцзи вернулся в обычное состояние, закрыл глаза и больше не говорил.

Облачные Глубины, зал Лань

Цинхэн-цзюнь стоял у окна, сложив руки за спину, его брови были нахмурены, а глаза полны беспокойства и тревоги.

За окном было уже темно, ночь наступила, а его два сына и невестка всё ещё не вернулись.

С момента их визита в родительский дом прошло два дня. По правилам, проведя там одну ночь, они должны были вернуться на следующий день, то есть сегодня.

Хотя расстояние между Юньмэн и Гусу, Ланьлин и Гусу было велико, они летели на мечах и должны были уже давно вернуться в Гусу. Почему же, когда уже стемнело, их всё ещё нет?

Неужели они попали в Водный Омут? Нет, вчера, когда они узнали, что Водный Омут находится в озере Билин, они отправили ученика предупредить их, так что они должны были уже знать.

Но...

Как Цинхэн-цзюню не беспокоиться?

— Старший брат.

Вдруг сзади раздался голос. Это был Лань Цижэнь.

Цинхэн-цзюнь обернулся и увидел, что лицо Лань Цижэня тоже было мрачным. Его настроение упало, и он твёрдо сказал:

— Они всё ещё не вернулись?

— Да, — ответил Лань Цижэнь.

Цинхэн-цзюнь нахмурился.

— Цинхэн-цзюнь, господин Лань!

Внезапно в зал вбежал ученик, поклонился перед ними и сказал:

— На юго-востоке замечен сигнал нашего клана!

Лица Цинхэн-цзюня и Лань Цижэня резко изменились.

Юго-восток — это направление к озеру Билин!

— Цинхэн-цзюнь!

В зал вошёл ещё один ученик, тот самый, которого отправили в Юньмэн. Он тяжело дышал, лицо его было покрыто потом, и он поспешно поклонился:

— Когда я прибыл в Юньмэн, оба молодых господина и госпожа уже отплыли на лодке!

Похоже, с ними действительно что-то случилось!

— Старший брат, нельзя медлить, это же Водный Омут!

Лань Цижэнь, который смотрел на этих двоих с детства, был крайне обеспокоен, и на его лице появилась редкая тревога.

— А Ци, скорее собери учеников, мы идём их искать!

Озеро Билин

После того как Вэй Усянь высушил одежду, он начал одеваться. Лань Ванцзи, увидев это, нахмурился:

— Вэй Ин, раны ещё не обработаны.

— Я знаю, но у меня нет лекарств. Что мне делать?

Вэй Усянь пожал плечами. Обычно, отправляясь на ночную охоту, он всегда брал с собой лечебные травы на случай ранений.

Но Вэй Усянь всегда считал себя гениальным, и за всё время ночных охот он ни разу не был ранен, поэтому никогда не носил с собой лекарств.

Кто мог подумать, что на обратном пути они столкнутся с Водным Омутom?

Эх...

Лань Ванцзи слегка хмыкнул.

— Подойди сюда.

— А?

— Подойди сюда, — серьёзно повторил Лань Ванцзи.

Вэй Усянь приподнял бровь, сделал три шага и подошёл, скрестив руки на груди:

— Я здесь, Лань Чжань, что ты хочешь?

Лань Ванцзи почувствовал, как его взгляд затуманился от вида обнажённого торса Вэй Усяня. В горле пересохло, но голос его оставался холодным:

— Присядь.

— Лань Чжань, что ты задумал?

Вэй Усянь был в недоумении.

— ... У меня есть лекарство.

Вэй Усянь вдруг всё понял. Оказывается, его стеснительный муженек хотел обработать его раны? Почему он не сказал сразу? Не раздумывая, он сел перед Лань Ванцзи, улыбаясь:

— Муженек, ты такой добрый!

Пальцы Лань Ванцзи, доставая мешочек с лекарствами, слегка дрогнули.

Он опустил взгляд, молча достал флакон с лекарством, вынул красную пробку и высыпал порошок, тихо сказав:

— Будет больно, потерпи.

— Начинай, я не боюсь боли.

— Угу.

Пальцы Лань Ванцзи слегка дрожали, когда он прикоснулся к коже Вэй Усяня. Она была горячей, и это тепло мгновенно проникло в его сердце.

Сердце тоже стало горячим.

Может быть, рядом горел слишком сильный огонь? Вэй Усянь тоже почувствовал жар, тело его напряглось, и даже прохлада от лекарства лишь усиливала тепло.

Но, несмотря на это, он оставался неподвижным, глядя на человека перед ним.

Хотя это было простое нанесение лекарства, Лань Ванцзи делал это с невероятной сосредоточенностью, осторожностью и нежностью, словно боясь причинить боль.

Глаза Вэй Усяня наполнились слезами.

Как давно он не был ранен? Как давно кто-то видел его раны и обрабатывал их?

Как давно был человек, который так осторожно, боясь причинить боль, заботился о нём?

<http://bllate.org/book/15281/1349035>